

М. Г. Ваняшова

Оправдание Карамзина: об источниках ремарки «Народ безмолвствует...» в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»

Статья посвящена 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина.

В центре статьи не только проблема «оправдания» Карамзина перед лицом истории, Карамзина, которого на протяжении десятков лет советская наука числила как яростного монархиста. Речь идет об оправдании самой обращенности нашего современника к верности историческому прошлому в его полном объеме и глубине. Всей своей деятельностью на благо России Карамзин дает такое оправдание, и документальное, и эстетическое.

Среди источников финальной пушкинской ремарки «Народ безмолвствует» в трагедии «Борис Годунов» исследователи обнаруживают античные, французские, английские, немецкие ветви и корни, и все они в совокупности создают ту многоуровневость смыслов, которая позволяет осмыслить огромный историко-философский диапазон Пушкина в решении проблем «народ и власть», «царь и самозванец», «поэт и история». При изучении произведений Карамзина и Пушкина необходимо учитывать весь многоуровневый объем сложнейшей территории смыслов. В статье особое внимание уделяется *древнерусским источникам* пушкинской ремарки, летописям и сказаниям, равно интересовавшим и Карамзина, и Пушкина. Руководствуясь «планом» Карамзина в его «Истории Государства Российского», Пушкин не подражал Карамзину, а вырабатывал свой взгляд на развитие истории. И находил собственный ответ на вопрос о том, кому принадлежит история: царю или народу?

Историк и Поэт были «весьма различны меж собой». Однако их сближали (к 1825–1826 гг.) родственные взгляды на пути развития России. «История...» Карамзина – призыв к поступательному, постепенному, движению общества, без агрессии, насилия, захватнических и иных кровопролитных форм, путь от старого к новому, с сохранением лучших традиций прежнего времени.

Ключевые слова: Пушкин, Карамзин, трагедия, народ безмолвствует, Авраамий Палицын, дьяк Иван Тимофеев.

M. G. Vanyashova

Acquittal of Karamzin: about Sources of the Note «People Keep Silence...» in A. S. Pushkin's Tragedy «Boris Godunov»

The article is devoted to the 250-th anniversary of N. M. Karamzin's birth.

In the center of the article not only a problem of «acquittal» of Karamzin in the face of history, Karamzin whom the Soviet science considered to be a furious monarchist for decades. It is about acquittal of the frontage of our contemporary to fidelity to the historical past in its full volume and depth. Karamzin gives such acquittal, both documentary, and aesthetic with all his activity for the benefit of Russia.

Among sources of the final Pushkin's note «People keep silence» in the tragedy «Boris Godunov» researchers find antique, French, English, German branches and roots, and all of them in total make that multilevelness of meanings, which allows us to comprehend the huge historic-philosophical range of Pushkin in the solution of problems 'the people and the power', 'the tsar and the impostor', 'the poet and history'. When studying works of Karamzin and Pushkin it is necessary to consider all multilevel volume of the most difficult territory of meanings. In the article special attention is given to Old Russian sources of Pushkin's note, chronicles and legends, which were equally interesting for both Karamzin and Pushkin. Being guided by Karamzin's «plan» in his «History of the Russian State», Pushkin didn't imitate Karamzin, but developed his view of history development. Also he found his own answer to the question – who possesses history – tsar or people?

The historian and the Poet «were quite different». However they were pulled together (by 1825–1826) by related views of ways of Russia's development. «History...» by Karamzin is an appeal to forward, gradual movement of society, without aggression, violence, aggressive and other bloody forms, a way from old to new with preservation of the best traditions of former time.

Keywords: Pushkin, Karamzin, tragedy, people keep silence, Avraamy Palitsyn, sacristan Ivan Timofeev.

«Пушкин всегда любил и не мог не любить Карамзина. Всякий благородный русский должен любить Карамзина», – был убежден замечательный русский философ и великий полемист Василий Розанов. Читатель, любящий Карамзина, невольно спросит: «А нуждается ли Карамзин в каком-либо оправдании?»

Одно только грандиозное творение Карамзина – двенадцать томов «Истории Государства Российского» есть оправдание Карамзина. Но тот же Василий Розанов все же упрекнул Карамзина в том, что «последний летописец» стремился украсить русскую историю: «Его творения похожи на прекрасную римскую тогу, с легким грече-

ским оттенком, которую добрый скиф накидывает на плечи варваров и варварства. Россия с любовью посмотрелась в зеркало, которое ... и льстило, и манило, и давало силы и бодрость к улучшениям»¹.

«Украсить» русскую историю портретом Ивана Грозного? В парадоксальном смысле – это, безусловно, украшение истории. Откройте IX том «Истории...», который произвел при своем появлении в свет шокирующее воздействие на публику, доселе не читавшую о царях-деспотах на Руси. В центре – трагическое тридцатилетие правления «мучителя, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях», «тирана», «исполина бесчеловечия». А ведь деспотия Грозного – совсем не то зеркало, которое «льстит» национальному чувству.

Карамзин был уверен в том, что «должно приучить россиян к уважению собственного [прошлого]; должно показать, что оно может быть предметом вдохновений Артиста и сильных действий Искусства на сердце», что «из всех времен грамматики ей [истории] более всего приличествует *давно прошедшее*»².

Об оправдании обращения к историческому прошлому, верности исторической правде в ее документальном и художественном изображении скажет в своем очерке о Карамзине Борис Эйхенбаум: «Здесь – не просто обоснование исторических занятий, но определение состава самой исторической эмоции, *оправдание самой обращенности к прошлому, и притом – оправдание эстетическое*»³.

Когда через столетие поэт Александр Блок признается: «И все чудесней, все лазурней. Дышать прошедшим на земле», в его строчках откликнется Карамзин. И строки Ахматовой в «Поэме без героя»: «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет...» – эхо Карамзина. И афоризм Михаила Бахтина: «Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его...» – апелляция к Карамзину. Возвращение к истории необходимо, не существует прямолинейного движения вперед. Всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу («изначальность»), точнее к обновлению начала⁴.

Наследие Карамзина, писателя, поэта, публициста, издателя, историка, создает впечатление поистине космического масштаба и требует сегодня новой исследовательской оптики. Его критика и публицистика, поэзия, двенадцать томов «Истории...» (требующих нового внимательного

всматривания и постижения и далеко не вполне изученных), вклад в создание современного русского языка, эпистолярии, огромная переписка – ждут новых открытий. Во второй половине XX в. в науке о Карамзине произошел большой, существенный и плодотворный сдвиг – были изданы фундаментальные труды Юрия Лотмана («Сотворение Карамзина» и «Карамзин»)⁵, а также философско-историческое исследование Натана Эйдельмана «Последний летописец».⁶

Карамзин пережил нескольких государей – Екатерину Великую, Павла I, Александровское время и дожил до времени Николая I. Он был современником многих исторических потрясений – от бунта Пугачева до реформ французской революции. Во время своего юношеского заграничного путешествия Карамзин видел плоды и последствия французской революции – ее романтизм, декларации свободы, равенства и братства, а с другой стороны – реки крови, гильотины. После казни Людовика XVI Карамзин пишет похвалу – не казням и эшафотам, а призывает к Просвещению и просветителям, видя истинный путь истории в усовершенствовании внутреннего человека. Предсказывает новые потрясения и эшафоты для бунтовщиков. Юный Карамзин плакал, узнав о казни Робеспьера. Плакал о крушении революционной утопии.

К концу 90-е гг. Карамзин оставляет стезю поэта и писателя, издательскую деятельность. Он пишет множество исповедальных произведений, таких как «Чувствительный и холодный», которые мы можем назвать сегодня экзистенциальными опытами самопознания художника. «Чувствительного» автора стихов и повестей сменяет историк, которому более чем лиризм необходимы сдержанность, умеренность, строгое внимание к фактам.

Жизнь Карамзина протекает в историческом (35-летнем) промежутке между роковыми событиями Французской революции и восстанием декабристов в России. 14 декабря 1825 г. Карамзин был на Сенатской площади. Говорят, Екатерина II слезла, узнав о казни Людовика XVI. Карамзин не смог пережить событий на Сенатской площади. Современники были убеждены: будь жив Карамзин, смертной казни декабристов не было бы.

Парадоксы Карамзина – это его отношение к тирании и деспотизму. Юношеский радикализм, сочувствие Робеспьеру, новый взгляд на историю. Неожиданный, шоковый по воздействию на читателей девятый том «Истории» – об ужасах

тирании Ивана Грозного. Карамзин мог бы умолчать о них, но он представил «театр жестокости» Иоанна Грозного во всех подробностях и деталях. Такого мощного, свирепого, страшного венценосца на престоле история государства Российского до Карамзина не ведала. Карамзин называет себя весьма своеобразно – Дееписатель... Писатель, подвигающий к действию, – главным образом, духовному. Это уроки царям и правителям.

«Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели... История, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления».

Историки советской эпохи вначале настойчиво пытались «обвенчать» Карамзина (вкуче с Пушкиным и Грибоедовым) с французской революцией, с революционаризмом в целом.

Герой его произведения «Мелодор к Филалету», написанного в форме переписки, сокрушен: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя, среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» Позднее, столь же пронзительно, после подавления французской революции 1848 г., ощутит свою внутреннюю драму Герцен – и вспомнит Карамзина 1793 г., и назовет его душевные и духовные страдания «огненными и полными слез»⁷.

Карамзин разочаровался в идеалах Просвещения, в надеждах на гуманистический характер и результаты революции. Поэтому исследователям советского времени трудно было «сотворить» революционера. Когда это не удалось, за Карамзиным прочно закрепился статус «откровенного» и непреклонного монархиста. Его фраза «История народа принадлежит Царю»⁸, открывавшая «Историю Государства Российского» в «Посвящении» Государю Александру I, фактически сделала 12-томное историческое наследие Карамзина недоступным для читателя советского времени. «Историю...» Карамзина не переиздавали вплоть до конца 80-е гг. XX в.!

Впервые вопрос об источниках ремарки Пушкина «Народ безмолвствует...», завершающей трагедию «Борис Годунов», поставил в своем докладе на заседании Пушкинской комиссии в 1967 г. известный ученый, председатель Пушкинской комиссии Пушкинского Дома (ИРЛИ АН

СССР) академик М. П. Алексеев⁹. Ученый обнаружил истоки формулы «народ безмолвствует» в трудах историков Французской революции, которые читал А. С. Пушкин.

15 июля 1789 г. в Учредительном собрании один из самых известных деятелей Французской революции Мирабо предложил встретить Людовика XVI мрачным молчанием. Мирабо воспользовался афоризмом Жана Бове, архиепископа Сенесского, сказавшего на похоронах Людовика XV: «Народ, конечно, не имеет права роптать, но у него есть право молчать, и его молчание – урок для королей»¹⁰.

Работа М. П. Алексеева «Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует...» в трагедии «Борис Годунов» (1967), акцентирующая революционную направленность творчества Пушкина, стала своего рода эталоном, образцом, по которому ориентировалась вся советская наука о Пушкине.

Лишь с середины 50-е гг. XX в. меняются парадигмы оценки важнейших вех отечественной истории. Произошли заметные сдвиги и в пушкинистике. Современная наука значительно расширила подходы к пониманию финальной ремарки трагедии¹¹, к происхождению ее источников, которые ученые находят в произведениях Шекспира и Шиллера, Плутарха и Цицерона, с произведениями которых был знаком Пушкин¹². Стоит напомнить известные слова, сказанные Цицероном: Cum tacent, clamant! (Молчащие – кричат!)

Заметим, что каждый из исследователей выдвигает (и справедливо мотивирует) в качестве *единственного* найденный им, избранный и откомментированный источник. Источников ремарки – множество, они разнообразны – и античные, и французские, и английские, и немецкие¹³. Но художественное сознание Пушкина в трагедии (как и в одной отдельно взятой ремарке) глубже и серьезнее любых односторонних интерпретаций. Смыслы ремарки неисчерпаемы, ибо символичны. Нельзя привести их к одному знаменателю, важны все смыслы. Только в совокупности они дают представление о пушкинском «окоеме», объеме знаний, только взятые вместе они создают необходимое поле интерпретационных смыслов.

Однако нельзя забывать и о древнерусских источниках, ведь именно летописи и сказания Древней Руси явились тем бесценным древлехранилищем, сокровищем которого в равной степени питали и Карамзина, и Пушкина. Пушкин руководствовался «планом» Карамзина в работе

над «Борисом Годуновым», однако вырабатывал собственную концепцию, свой взгляд на развитие истории.

Впервые Карамзин употребил выражение «Народ безмолвствует» в повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803).¹⁴ В центре повести – рассказ о падении вольной Новгородской республики, конце первого русского парламента, Новгородского вече, свержении Вечевого колокола, а вместе с ним и падении власти бунташной Марфы Посадницы, вдовы посадника, которая стала в центре сопротивления, возглавив оппозицию великому московскому князю Иоанну III.

Карамзин сравнивал демократию Великого Новгорода с республиками Афин и Спарты в Древней Греции. Он писал: «Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков славя в России и Европе державою народною, или Республикою, и действительно имел образ демократии». Город-крепость, устоявший перед татаро-монгольским игмом, выстоявший в междуусобных битвах, не смог одолеть осаду Иоанна, и в 1477 г. крепость Великий Новгород пала. Вечевого колокол был снят и увезен в Москву. Судьба его неизвестна, по легенде, колокол разбился в пути и рассыпался на сотни колокольчиков.

Марфа Борецкая была приговорена к смертной казни. Перед казнью «народ и воины соблюдали мертвое безмолвие», – пишет Карамзин (курсив мой. – М. В.). Казнь совершается, тело Марфы покрывают черной паполомой. «После казни и чтения послания Иоанна «народ еще безмолвствовал» Эти слова Карамзина и процитировал позднее Пушкин в «Борисе Годунове», переведя событие в настоящее время («Народ безмолвствует»). По легенде, Марфу похоронили на берегу озера Ильмень. «Вечевого колокол был снят с древней башни и отвезен в Москву: народ и некоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли с безмолвною горестию и слезами». (Н. М. Карамзин. «Марфа-посадница»)¹⁵.

В сознании русских историков и пушкинистов впервые фразу «Народ безмолвствует» произнес именно Николай Михайлович Карамзин. В «Истории Государства Российского» она становится своеобразным лейтмотивом.

Народ безмолвствует при Крещении Руси, уничтожении языческого шестистава – пантеона языческих богов в Киеве, при всенародном свержении и поругании главного божества Перуна (988 год, X век), при снятии Вечевого колокола в недавно еще вольном Новгороде (XV в.), народ

безмолвствует в разгар Смуты, когда Лжедмитрий совершает казнь Василия Шуйского (XVII век). Народ безмолвствует в самые судьбоносные моменты истории. Рефрен «Народ безмолвствует» Карамзин как своеобразную эстафету передает от одного тома «Истории...» к другому. В конце концов, безмолвствие народа (облекаясь в разные одежды и значения) становится частью его ментальности, его наследственной и вековой чертой.

Для Карамзина и Пушкина важнейшими, первоисточниками в занятиях историей и ее художественном осмыслении, в частности, в возникновении ремарки, были труды келаря Свято-Троицкой Лавры Авраамия Палицына (уроженца Ярославской земли)¹⁶ (в частности, его «Сказание об осаде Троице-Сергиевской Лавры»), а также «Временник» дьяка Ивана Тимофеева¹⁷ – документы времен Русской Смуты, созданные очевидцами и свидетелями событий.

Пушкин читал Авраамия Палицына. Цитируя летописи, он упоминает имя Палицына в своей рецензии на роман Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (рецензия была откликом на ожесточенную критику романа Ф. Булгариным). «Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши – все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! Сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кириши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батюшки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического»¹⁸.

Для писателей, избравших исторические сюжеты, в том числе и для Загоскина, «История...» Карамзина была самым надежным и авторитетным источником. Однако Карамзин не успел довести повествование далее середины 1611 г. (он умер в 1826 г.). Поэтому Загоскину («...Русскими в 1612 году») пришлось обратиться к летописным и мемуарным источникам, в частности, изучить «Временник» дьяка Ивана Тимофеева¹⁹ и «Сказание Авраамия Палицына» (изд. 1784 или 1822 гг.)²⁰.

Автор «Временника» (~1619) видел причину Русской Смуты в усилившемся влиянии иноземцев, нарушении извечных правил русской жизни. Власть доверяла доносам («ложным шепотам»)

люди были «страховиты», «изменчивы», «нестоятельны», «словопревратны», «по всему вертяхуся, яко коло [колесо]», что и подготовило почву для появления на Руси «лжецарей». Отсюда и «всеконечное разорение», «самозванство» и вторжение иностранных захватчиков. Автор «Временника» один из главных грехов русичей видел в том, что в наиболее важные исторические моменты они были безгласны. Когда Борис Годунов добился престола через преступное деяние, дьяк Иван Тимофеев так передает это состояние «умов»: «Онемеша бо языки их и уста затвориша; вся же чувства наша паче страхом ослабеша». В своем «Сказании» Авраамий Палицын осуждающе говорил об отсутствии гражданского мужества у русских людей во времена Русской Смуты (дьяк Иван Тимофеев называет это прямо – «немужество»). Палицын назвал эту историческую ситуацию, и шире – это свойство народа – «всего мира безумным молчанием»²¹.

«Не чуждии земли нашей разорители, но мы сами ее потребители», – горестно и иронически рифмовал свои афоризмы Иван Тимофеев, говоря о русских саморазрушительных силах²².

Публикация первых восьми томов «Истории Государства Российского», предпринятая Н. М. Карамзиным в начале 1818 г., открывалась «Посвящением Александру I». Одна из ключевых фраз этого «Посвящения», созданного Карамзиным – «История народа принадлежит Царю», была возведена современниками в степень афоризма, который немедленно вызвал ожесточенную полемику. Пушкин, читавший «Историю...» том за томом в Михайловском, сразу же отметил реакцию радикалов, резко возражавших Карамзину. «Молодые якобинцы негодовали, – писал Пушкин. – Фраза Карамзина казалась им верхом варварства и унижения...»²³.

Карамзин никогда не вступал в полемику. Записывал в дневнике: «Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся». Чуть позже: «Нынешние умники не далеки от глупцов». Ядовито заметил: «Те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и лимфе».

Среди полемических откликов декабристов наиболее известны два – ответ Никиты Муравьева: «История принадлежит народам»²⁴ и Николая Тургенева: «История принадлежит народу – и никому более! Смешно дарить ею царей. Добрые цари никогда не отделяют себя от народа».²⁵ Пушкин не вмешивается в знаменитый спор Карамзина с декабристами. Он вырабатывает собственную точку зрения, отличавшуюся и от

взглядов Карамзина, и от воззрений декабристов. Впоследствии Пушкин обозначил это различие в позиции, воззрениях, убеждениях в стихотворении «Из Пиндемонти» (1836). Поэт предельно ироничен:

Зависеть от царя, зависеть от народа
Не все ли нам равно...
Никому отчета не давать,
Себе лишь самому служить и угождать,
Для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.

«Царь» и «народ» – не оракулы и не верховные судии. Власть, по Карамзину и Пушкину, – не царь, не весь царь... Да и «ливрея» – не народ, а угодливое, склонившееся перед властью сообщество верноподданных. И власть может уподобиться «ливрее», сравняться с «ливреей».

И все-таки Пушкин, проникая в суть карамзинского выражения «История народа принадлежит Царю», мировоззренчески ближе к Карамзину, нежели к точке зрения декабристов, высказанной Муравьевым и Тургеневым. Слово «Царь» в этой известной фразе Карамзина не случайно написано с большой буквы, что далеко не всеми было понято (или вовсе не понято) вплоть до наших дней. Подчеркнем особо, что следом за фразой «История народа принадлежит Царю» Карамзин подчеркивает и указывает на те «духовные скрижали», которые должны определять путь и поэта, и народа, и царя. «История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству...» Карамзин называет Историю «священной книгой народов», то есть сравнивает ее с Библией.

В письме к Н. И. Гнедичу из Михайловского в Петербург (23 февраля 1825) Пушкин дает свой собственный вариант ответа на вопрос, кому принадлежит история народа. «История народа принадлежит поэту»²⁶.

В сонете «Поэту», чувствуя высочайшую ответственность за дарованный ему судьбой поэтический жребий, Пушкин настаивает на служении поэзии как божеству, поэзии – храму, где «алтарь, где твой огонь горит». «Ты царь: живи один./ Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум...» Поэту, Пророку дарована Божественная сила, которую ощущает, но не понимает «чернь», толпа.

Пушкин по-разному определял жанр своей пьесы – «историческая драма», «народная драма», наконец, «трагедия». В черновом варианте

пьесы поэт сочинил подзаголовок для «Бориса Годунова» (стилизованный под XVI–XVII вв.): «Комедия о настоящей беде московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве...» Слово «комедия» в те времена означало не жанр, а «представление», произведение для сцены. Пушкин, безусловно, привнес в «Бориса Годунова», кроме множества других новаций, неожиданную трагифарсовую окраску, создавая «комедию» – с экзистенциями Бориса, Самозванца, Пимена, Юродивого внутри гротескового смехового и трагедийного мира.

«Что развивается в трагедии? Каков главный смысл ее? – Человек и народ. Судьба человеческая – судьба народная...»²⁷. Этот пушкинский афоризм в советское время был также огосударствлен и от частого цитирования потерял свой основной смысл.

Между тем Пушкин затрагивает в трагедии самую острую и актуальнейшую проблему всего произведения – дело не только в трагедии самого царя Бориса, но и в трагедии Поэта и Пророка (данной через «мнение народное», через авторское сознание, через образы Пимена и Юродивого). Но главное – Пушкин выдвигает на первый план – «комедию настоящей беды государства» – трагедию самого русского народа, трагедию его самосознания.

«В настоящей трагедии, – заметит Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции, – гибнет не герой, гибнет хор...»

Трагедия в «Борисе Годунове» вершится в темном коллективном бессознательном народа, в стихийности самой народной массы, готовой «вязать и топить» детей Бориса Годунова, распихивать ворота перед иноземными захватчиками, предавать, послушно и покорно менять точки зрения в зависимости от ситуации. Пушкин закольцовывает трагедию схожими мизансценами, близкими по смыслу репликами. Если вначале, в картине «Поле перед Новодевичьим монастырем», мужики, которым надо было, как всем остальным, согнанным на поле, лить слезы и умолять Бориса принять царский венец, искали лук, фарсово терли глаза «слюней», то это было совсем не равнодушие или безразличие, как сегодня пишут иные интерпретаторы, а страх и покорность, выработанная еще во времена казней и пыток опричнины Ивана Грозного. «Делай как все, как прикажут...»

– Что там? – ...То ведают бояре. Не нам чета...

Прикажут плакать и рыдать – плачут... Кричат: «Да здравствует царь...» – раздаются хоровые здравицы.

В финале на крыльцо снова выходят бояре. – *Расступитесь!* – и снова мужики спрашивают друг у друга, что происходит там, в палатах... Мосальский объявляет: *Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом.* Реплика Пушкина: «*Народ в ужасе молчит*». – Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! (*Народ безмолвствует*).

Известно, что в первом варианте «Бориса Годунова» народ кричал послушно: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!»

Народ безмолвствует... Вспомним Цицерона – *молчащие кричат*, пушкинскую трагедию завершает кричащий безмолвствующий народ.... Истинное мнение народное, по Пушкину, – это тайное знание правды, безошибочное внутреннее чувство народной души, живущей в храме Божьем. Настоящий храм Божий – сам народ: «*Писано бо есть, яко „вы есте храм Бога жива“... храм – не стены камяны и древяны, но народ верных...*» – говорит Авраамий Палицын²⁸.

¹ Розанов В. В. О писательстве и писателях. Собр. соч. в 30 тт. – Том 4. – М.: Республика, 1995. – С. 194–195.

² Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Подготовка текста и примечания П. Беркова. – М.: Л.: Художественная литература, 1964. – С. 188.

³ Эйфельман Н. Я. Последний летописец. – М.: Книга, 1983. – С. 108.

⁴ Бахтин, М. М. Рабле и Гоголь: (Искусство слова и народная смеховая культура) / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 494.

⁵ Лотман, Юрий. Сотворение Карамзина. – М.: Азбука-Аттикус, 2015; Эйфельман, Натан. Последний летописец. – М.: Вагриус, 2004.

⁶ Эйфельман Н. Я. Последний летописец. – М.: Книга, 1983. – С. 108.

⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 томах. – Т. VI. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 12.

⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Подготовка текста и примечания П. Беркова. – М.: Л.: Художественная литература, 1964. – С. 727.

⁹ Алексеев, М. П. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» [Текст] / М. П. Алексеев // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 208–239

¹⁰ Алексеев, М. П. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» [Текст] / М. П. Алексеев // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 226.

¹¹ Вацуру, В. Э. Подвиг честного человека [Текст] / В. Э. Вацуру // Прометей. – М., 1968. – Т. 5. – С. 8–51,

Лузянина Л. Н. ; Об особенностях изображения народа в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Русская литература XIX–XX вв. Л., 1971. С. 3–17; «История государства Российского» Н. М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 1971. № 1. С. 45–57; Листов В. С., Тархова Н. А. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Врем. ПК. № 17. 1979. С. 96–101. Н. И. Михайлова. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Вып. 20. – С. 150–153.

¹² Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 томах. – Т. VI. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 12.

¹³ Данилевский Р. Ю. Немецкая литература // Пушкин: Исследования и материалы. Тт. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 217–225; Измайлов Н. В. Пушкин в сравнительно-историческом изучении // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 8. – С. 137–146; Левин Ю. Д. Шекспир // Пушкин: Исследования и материалы / Т. XVIII/XIX: Исследования и материалы. Тт. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 217–225; Измайлов Н. В. Пушкин в сравнительно-историческом изучении // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 8. – С. 137–146; Левин Ю. Д. Шекспир // Пушкин: Исследования и материалы / Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб. : Наука, 2004 – С. 376–383.

¹⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Подготовка текста и примечания П. Беркова. – М. – Л. : Художественная литература, 1964. – С. 727.

¹⁵ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Подготовка текста и примечания П. Беркова. – М. – Л. : Художественная литература, 1964. – С. 727.

¹⁶ Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб. : Наука, 2004 – С. 376–383.

¹⁷ Вацуро, В. Э. Подвиг честного человека [Текст] / В. Э. Вацуро // Прометей. – М., 1968. – Т. 5. С. 8–51, Лузянина Л. Н. ; Об особенностях изображения народа в

«Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Русская литература XIX–XX вв. Л., 1971. С. 3–17; «История государства Российского» Н. М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 1971. № 1. С. 45–57; Листов В. С., Тархова Н. А. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Врем. ПК. № 17. 1979. С. 96–101. Н. И. Михайлова. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Вып. 20. – С. 150–153.

¹⁸ Пушкин А. С. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. – 1949. – С. 92–93.

¹⁹ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. М. ; Л., 1951

²⁰ Сказание Авраамия Палицына. – СПб., 1909; М. ; Л., 1955. Репринт. – СПб., 2009. – С. 249.

²¹ Сказание Авраамия Палицына. – СПб., 1909; М. ; Л., 1955. Репринт. – СПб., 2009. – С. 249.

²² Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. М. ; Л., 1951. – С. 63.

²³ Пушкин А. С. Воспоминания. Карамзин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834–1949. – С. 78.

²⁴ Муравьев Н. М. Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина // Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. – СПб. : РХГА, 2006. – С. 586.

²⁵ Архив братьев Тургеневых: в 7 вып. – Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. – Пг.: Отделение русского языка и словесности Академии наук, 1921. – С. 115.

²⁶ Пушкин А. С. Письмо Гнедичу Н. И., 23 февраля 1825 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 13. Переписка, 1815–1827. – 1937. – С. 145.

²⁷ Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834–1949. – С. 180.

²⁸ Сказание Авраамия Палицына. – СПб., 1909; М. ; Л., 1955. Репринт. – СПб., 2009. – С. 249.